

НАКАНУНЕ

НГ EX LIBRIS (прил. к Независимой). 2004-22 июля - 03

Сталин, Шекспир и Галина Уланова

Балерина так и не рискнула стрелять из лука в генералиссимуса

Сания Давлекамова

В сентябре этого года должна выйти из печати книга воспоминаний Галины Улановой «Я не хотела танцевать...», записанная критиком Санией Давлекамовой в форме бесед с великим балериной. Помимо уникальных воспоминаний самой Галины Сергеевны в книге приведены интереснейшие воспоминания о ней Вахтанга Чабукiani, Татьяны Вечесловой, Юрия Завадского, Святослава Рихтера, Нины Дорлики, Леонида Лавровского, Владимира Преображенского, Юрия Жданова, Юрия Григоровича, Елены Образцовой, Марини Нееловой, а также знаменитые ученики Улановой — от Екатерины Максимовой до Николая Цискаридзе. Предлагаем вашему вниманию фрагменты двух глав о первых гастролях Галины Улановой в Москве и первых ее зарубежных гастролях. Книжка выйдет в издательстве «АСТ-ПРЕСС КНИГА» в серии «Звезды балета».

Сталин и стрельба из лука

В дни премьерных представлений «Бахчисарайского фонтана», — вспоминала Галина Сергеевна, — осенью 1934 года в Ленинграде оказался со своим государственным делам Климент Ефремович Ворошилов — знаменитый герой Гражданской войны, один из крупных военачальников. Он тоже пришел посмотреть новый балет, сидел в «царской» ложе. Потом по его предложению правительство решило показать наш спектакль и в Москве. Но привезти не только один «Фонтан» на гастроли, а устроить в столице декаду искусства Ленинграда. Если не ошибаюсь — подобное проводилось впервые. Потом такие декады разных республик и городов стали постоянными.

— Трудно было в конце напряженнейшего сезона 1934–1935 годов ехать на такие ответственные гастроли в Москву?

— Не знаю даже, как сказать. С одной стороны, усталость, беспорно, накапливается. С другой стороны, когда постоянно танцуешь, форма укрепляется, все тело хорошо настроенено. Кроме того, мы впервые выезжали на такие гастроли, что нас, конечно, воодушевляло. Мы привезли три балета: помимо «Бахчисарайского фонтана» — вагановскую редакцию «Лебединого озера» и ее же «Эсмеральду». Я участвовала во всех

радости. Надо вспомнить то время: Сталин — признанный вождь, доверие к нему огромное. Всего того, что сейчас написано, рассказано о нем, мы не знали и знать не могли. Когда проходили громкие судебные процессы и сами обвиняемые во всем признавались, верилось, что они действительно предатели. Ведь сейчас читишь: заключенные, уже сидящие в тюрьме, в лагере, писали Сталину, не верили, что он обо всем знает. Слава Богу, меня и моих родителей не коснулись репрессии, притеснения. Что лукавить, у меня — четыре Сталинские премии. Бессспорно, были люди много знающие, умеющие политически мыслить, анализировать, понимать обстановку. Я же ничего такого не слышала. Вся — в своей профессии, целиком погруженная в свою работу, где находила массу интересного. К тому же и человек я замкнутый, необщительный. На острые темы (тем более критика вождя) не будут говорить с каждым встречным, а лишь с самыми близкими людьми. Допускаю, что в доме Елизаветы Ивановны Тиме могли вестись такие разговоры, там собирался широкий круг людей. Возможно, меня намеренно оберегали от подобных тем, чтобы не смутить мое душевное состояние, не посеять тревогу...

На том спектакле, когда пришел Сталин, я испытывала особое волнение. Вышла на сцену, увидела: Сталин сидит в боковой ложе. А в нашем паде-де Дианы и Актеона есть такое движение, когда я как бы пускаю стрелу из охотниччьего лука — стрелы нет, но лук у меня в руках, и я его нацеливаю, как для пуска стрелы — и как раз в то направление, где ложа Сталина. Но разве можно в его сторону воображаемую стрелу направить? Хореография в том номере сложная, на ходу менять танцевальные и комбинации невозможно, да и нельзя. Я всегда против, чтобы меняли поставленные балетмейстером. И все же судорожно пытались хоть как-то не совсем прямо держать лук.

— Говорят, что Сталин сказал: «Уланова — это классика». Имя в виду не сам классический танец, а в высоком смысле — классический образец.

— Сания, милая, вы фантазируете. Я такого не слышала. А в 1940 году мы опять приехали в Москву, привезли «Ромео и Джульетту», «Лауренцию», «Сердце гор». Тогда нас привезли на прием в Кремль — необычайно торжественный, праздничный. Там первый и единственный раз я видела Сталина

ADMINISTRATION G. ASTRUC & C°
110, rue Louis-le-Grand

Главным из всех искусств для нас по-прежнему является балет.

Валентин Серов. Плакат 1909 года

79

Андрей Гайдуков

тогда появился в газетах наши фотографии — в репетиционной одежде, в шерстяных гетрах. Приходил к нам часто Сережа Лифарь, в то время главный балетмейстер Гранд-опера. У него — русская школа. Настоящее имя — Сергей Михайлович. Он унывался: «Какие у вас мужчины сильные, ловкие! У нас таких сложных верхних поддержек не увидите. У нас это принятно».

Светлана Березова — ведущая балерина «Сэйлор Уэйл» — специально приехала из Лондона посмотреть нас. Она как-то подошла к Юрию Жданову и попросила: «Можно потрогать мышцы ваших рук? Хочу понять, как вы можете так легко поднимать балерину. Правда, госпожа Уланова такая хрупкая...» А он ворвался подними ее на одной руке так, в чем была — в туфельках-шипильках, в обычной одежде. Березова ахнула, французы в восторге зааплодировали... У нее ведь тоже русская школа, хотя она и училась в Америке.

Столб дыма на летном поле

— После перипетий с парижскими гастролями мы уехали в Берлин. Но ведь каждые гастроли довольно долго готовятся. Как немцы успели все устроить?

— Надо думать, помогли твердая немецкая дисциплина и пунктуальность. Нас необычайно радушно встретили и все поразительно четко организовали.

А через два года, в 1956-м, Англия, самые знаменитые гастроли...

— Да, впервые советский балет поехал за границу с большими спектаклями. Мы поехали «Лебединое озеро», «Жизель», «Ромео и Джульетту», «Бахчисарайский фонтан». Впервые — выступления на сцене одного из самых лучших театров мира, на сцене Конвент-Гарден. Но отъезд наш из Москвы и при-

езд (вернее, отлет и прилет) не охладило осложнений.

— Как?! Опять?!

— Нет-нет, тут — не политика, а погода помешала. На трех самолетах мы должны были вылететь рано утром первого октября. Первая задержка произошла в аэропорту «Внуково»: в Лондоне был сильный туман. Вылетели намного позже. Уже подлетели, наконец-то, и вдруг — опять туман. Пытались посадить наши самолеты в лондонском аэропорту, но получилось. Нас развернули к другому аэропорту — мы не знали, куда именно. Господи, что же опять случилось?! Выяснилось, что посадка произошла на аэропроме американской военной базы, около города Мейдстоун. Нас еще держали в самолете полтора часа. Шли, какие-то проверки. Зато, когда мы вышли с военной территории, вдруг было приятно, что за ограждением нас встречают толпа людей.

— Значит, о вашем прибытии на военную базу все-таки успели кому-то сообщить?

— Это опять стела история. Еще до нас (наверное, дней за десять) Лондон приехалась большая группа из Большого театра — мы их называли «наш десант». В него входили дирижеры Юрий Файер и Геннадий Рождественский (он тогда еще только начинал), балетмейстер-репетитор Лев Поспехин, режиссер сцены — Михаил Покровский, заведующий балетной труппой Алла Цабель.

Но как раз «наш десант» и не сумел нас встретить. Встречали только журналисты. Наиболее ретивые из них разузали, где пронизодят посадку самолета с артистами Большого театра, и успели домчаться сюда из Лондона. От них, наверное, о нашем приезде узнали жители военного города и тоже пришли, кто-то даже с цветами. Что-то они говорили, улыбались, некоторые смельче пожали нам руки. Все вошло в колено.

Шекспир на родине Шекспира

— А гастроли, если я не ошибаюсь, начались третьего октября?

— Не ошибаешься. Второго октября в десять часов утра нача-

нейшим человеком, в то время послом Панамы в Англии. Так же другие известные балерины — Берил Грей, Светлана Березова, Алиса Маркова... Один из лучших английских балетмейстеров Фредерик Аштон, основательница первой английской балетной труппы Нинет де Валлуа. Пришли на первое наше представление и Вивьен Ли, и Луизен Оливье, и Питер Брук... Из других стран также приехали знаменитости: из Франции Сереж Лифарь со своими артистами, американский скрипач Иегуди Менухин с женой — балериной Дианой Гулд...

Хотя балет «Ромео и Джульетта» и назывался у нас лучшей постановкой, риск, бесспорно, существовал. Русская Джульетта, русский Ромео — на родине Шекспира, где великого драматурга знают, как говорится, вдоль и поперек. Русский композитор, русский балетмейстер вдруг отважились перенести на балетную сцену выдающееся произведение английского драматического театра. Както воспримет это совсем незнакомая нам публика? Что и говорить, все страшно волновались — даже английские артисты, участвовавшие в спектакле, нервничали: не столько за себя переживали, сколько за нас.

В общем, какой-то безумный страх охватил нас, неизвестно, чем все кончится. У нас в Большом нет дырок в занавеси, а в Конвент-Гарден есть. И мы смотрели, кто сидит в зрительном зале, что за такие эти лондонцы! Боже мой, что мы увидели! Сидят дамы в роскошных вечерних туалетах с меховыми накидками, в белых перчатках, и волосы у них — розовые, синие, золотые, всяких цветов! Мужчины — в смокингах, с белыми «бабочками»... «Бриллиантовые дамы и мужчины в смокингах», — так потом говорил Юрий Жданов. Нам показалось, что они-то (а не мы) и есть — «театр»...

Файер вошел в оркестровую яму, дали полный свет, публика зааплодировала. Начался спектакль. Один эпизод, второй, третий, а в зале — гробовая тишина ни хлопка. Даже когда прошло действие на Веронской площади — скора и знаменитый бой. Мы привыкли, что здесь всегда море аплодисментов. А тут — ничегошеньки! Закончился первый акт — мертвая тишина. И как-то неожиданно громко прошелестел закрывающийся занавес... Быть может, это

заслать репетиция на сцене Конвент-Гарден и продолжалась до двенадцати часов ночи.

— Четырнадцать часов репетиций!

— А что оставалось делать? Конечно, артисты не четырнадцать часов подряд танцевали. Там еще шла монтировочная работа — устанавливали декора-

иции, свет. Оркестр что-то подрабатывал, хотя Файер и Рождественский все дни до нашего приезда много репетировали. Ну, Прокофьев не сразу дается: его музыка к «Ромео» оказалась

занавес! Безумный страх... А затем — как-то как бы вздох, и внезапно начались аплодисменты. Открылся занавес, аплодисменты перешли в овацию...

Потом мы узнали, что в английских театрах не принято аплодировать до конца спектакля. Говорили, что на этот раз традицию будто бы нарушил глава правительства сэр Энтони Иден... Мы успокоились настолько, насколько в подобных обстоятельствах можно успокоиться! По крайней мере первое напряжение немного углеглось. Спектакль продолжался с большим подъемом. Но когда закончился, опять — тишина, тишина... Знает, все-таки провалились?! И вновь внезапно, как лавина, обрушились аплодисменты. Дали занавес — весь зал стоит, аплодисменты перешли в овацию...

Когда уже самолет приземлился, в окончике кругом солдаты с ружьями

Французское правительство объявило траур. Отменялись и наши концерты, но клубы, кабаре продолжали работать

также. В кинозале сидела рядом с ним. Все боялись ему помешать, вся сжалась, чтобы поменьше места занимать.

— Сталин высказывался, конечно? Что он говорил?

— Поздравлял, благодарила, а что точно сказал — не вспомню. Я словно пребывала в каком-то шоке: надо же — я вот так близко видела самого Сталина!

Балет и Индокитай

...Поколению Улановой суждена была своя особая миссия. Артисты этого поколения почти через полвека после «Парижских сезонов» Дагилевы заново открыли западной публике русский балет. И Уланова стала его символом.

— Первая поездка, когда в репертуар вошли не одни конкретные номера, а большие фрагменты из спектаклей, состоялась летом 1954 года, — рассказывала Галина Сергеевна.

— Первая поездка, когда в репертуар вошли не одни конкретные номера, а большие фрагменты из спектаклей, состоялась летом 1954 года, — рассказывала Галина Сергеевна.

— Первая поездка не только для всего советского балета. Это — совместные гастроли ленинградцев и московских артистов, с которыми мы

как быть? Ведь есть еще два самолета, а база довольно далеко от Лондона. И вдруг новое сообщение: самолет уже приземлился. Погода улучшилась, и бригада осталась ждать других.

— Опять слышать по радио: второй самолет тоже на военной базе.

— Наконец долгожданное объявление: лондонский аэропорт открыт, будет принят первый самолет. Какой — неизвестно, но все решили, что наш. Все же подождали, пока солнце не встанет.

— А что оставалось делать? Конечно, артисты не четырнадцать часов подряд танцевали. Там еще шла монтировочная работа — устанавливали декорации.

— А мы почти четыре часа ехали в Лондон на автобусах. Вот так у нас прошли первые сутки.

Шекспир на родине Шекспира

— А гастроли, если я не ошибаюсь, начались третьего октября?

— Не ошибаешься. Второго октября в десять часов утра нача-

лась репетиция на сцене Конвент-Гарден и продолжалась до двенадцати часов ночи.

— Четырнадцать часов репетиций!

— А что оставалось делать? Конечно, артисты не четырнадцать часов подряд танцевали. Там еще шла монтировочная работа — устанавливали декорации.

— А мы почти четыре часа ехали в Лондон на автобусах. Вот так у нас прошли первые сутки.

Шекспир на родине Шекспира

— А гастроли, если я не ошибаюсь, начались третьего октября?

— Не ошибаешься. Второго октября в десять часов утра нача-

лась репетиция на сцене Конвент-Гарден и продолжалась до двенадцати часов ночи.

— Четырнадцать часов репетиций!

— А что оставалось делать? Конечно, артисты не четырнадцать часов подряд танцевали. Там еще шла монтировочная работа — устанавливали декорации.

— А мы почти четыре часа ехали в Лондон на автобусах. Вот так у нас прошли первые сутки.

<div data-bbox="